

ДИАЛЕКТИКА АБСТРАКТНОГО И КОНКРЕТНОГО В ТРУДЕ Об ошибочном понимании «Капитала» Маркса и об ошибках Маркса

Борис Ихлов

У данной статьи такая же странная судьба, как и у другой моей статьи «Причины распада СССР». Она аналогично игнорируется российским «научным» сообществом, хотя в ней впервые указывается на ту радикальную ошибку (или недоговоренность) Маркса, которая легла в основу всей политэкономии и идеологии социализма в доперестроечном исполнении. Летом данная статья была выслана в адрес научной конференции на имя ее организатора Юрия Леонидовича Дюбенка, имеющего отношение к политэкономии. Однако реакции на нижеприведенную статью не последовало. Я попросил Юрия Леонидовича высказать свое мнение по поводу этой статьи. Он обещал. Так с лета и шлёт свое мнение. Данная статья выслана в адрес многих российских ученых-обществоведов. Никакой реакции, ни со стороны либералов, ни со стороны тех, кто именует себя коммунистами, марксистами, левыми и т.п. У меня ощущение, что мечу бисер перед свиньями. Складывается впечатление, что в России вообще НЕТ УЧЕНЫХ-ОБЩЕСТВОВЕДОВ.

Кажется, в 1992-м мы в Самаре поспорили с марксистом Элеонорой Никишиной, что я могу написать критику на каждую страничку «Капитала» Маркса. Я не сомневался, что французский коммунист Андрэ Моруа абсолютно прав, когда говорил, что «если бы Маркс воскрес, первое, с чего бы он начал – с критики самого себя».

Дело в том, что в «Капитале» Маркса есть великое множество неточностей, недоговоренностей. В отсутствие диалектико-материалистического метода дискурс ряда таких неточностей-недоговоренностей фатально ведет к либерализму, левачеству, ревизии марксизма, теологии сталинизма.

Вернувшись в Пермь, я начал набрасывать критику на «Капитал» с первых страниц. По независящим от меня причинам работа не была завершена. Поэтому данная статья затрагивает лишь малую часть работы Маркса.

Как Маркс определяет стоимость и потребительную стоимость?

«Полезность вещи, - пишет Маркс, - делает её потребительной стоимостью. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п., само есть потребительная стоимость, или благо. Этот его характер не зависит от того, много или мало труда стоит человеку присвоение его потребительных свойств. При рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их количественная определённость, например дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т. п. Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины — товароведения. Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости.

Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, — соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным, а внутренняя, присущая самому товару меновая стоимость представляется каким-то [противоречием в определении]»

И далее:

«Вещи имеют присущее им внутреннее свойство..., «которое везде остаётся неизменным; например, способность магнита притягивать железо. Свойство магнита притягивать железо стало полезным лишь тогда, когда при помощи него была открыта магнитная полярность (простим неграмотность Маркса, Б. И.).

Известный товар, например один квартал пшеницы, обменивается на x сапожной ваксы, или на u шёлка, или на z золота и т. д., одним словом — на другие товары в самых различных пропорциях. Следовательно, пшеница имеет не одну единственную, а многие меновые стоимости. Но так как и x сапожной ваксы, и u шёлка, и z золота и т. д. составляют меновую стоимость квартала пшеницы, то x сапожной ваксы, u шёлка, z золота и т. д. должны быть меновыми стоимостями, способными замещать друг друга, или равновеликими. Отсюда следует, во-первых, что различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое и, во-вторых, что меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь «формой проявления» какого-то отличного от неё содержания.

Возьмём, далее, два товара, например пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается известному количеству железа, например: 1 квартал пшеницы = a центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах — в 1 квартале пшеницы и в a центнерах железа — существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первая, ни

вторая из них. Таким образом, каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, должна быть сводима к этому третьему.

Иллюстрируем это простым геометрическим примером. Для того чтобы определять и сравнивать площади всех прямолинейных фигур, последние рассекают на треугольники. Самый треугольник сводят к выражению, совершенно отличному от его видимой фигуры, — к половине произведения основания на высоту. Точно так же и меновые стоимости товаров необходимо свести к чему-то общему для них, большие или меньшие количества чего они представляют.

Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства принимаются во внимание вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т. е. поскольку они делают товары потребительными стоимостями. Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость значит ровно столько же, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции. Или, как говорит старик Барбон: «Один сорт товаров так же хорош, как и другой, если равны их меновые стоимости. Между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы, или различия.»

Всё предельно ясно. Потребительная стоимость – то качество продукта труда, которое его делает полезным нам. Меновая стоимость – то качество, которое позволяет обменивать продукты труда в определенной пропорции. Как же Маркс определяет абстрактный и конкретный труд, а также стоимость?

«Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости.

Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остаётся лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда. Но теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись от его потребительной стоимости, мы вместе с тем отвлеклись также от тех составных частей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью. Теперь это уже не стол, или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нём. Равным образом теперь это уже не продукт труда столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определённого производительного труда. Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нём видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду.

Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости.

В самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно не зависимое от их потребительных стоимостей. Если мы действительно отвлечёмся от потребительной стоимости продуктов труда, то получим их стоимость, как она была только что определена. Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость.»

Итак, стоимость – то, что произведено неким трудом вообще, абстрактным трудом. Какая это конкретно абстракция, как она возникает – увидим ниже.

«Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлён, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину её стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимости субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определённых долях времени, каковы: час, день и т. д.

Если стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства, то могло бы показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее или неискуснее производящий его человек, так как тем больше времени требуется ему для изготовления товара. Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть **одинаковый** человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. **Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил.** Каждая из этих индивидуальных рабочих сил, как и всякая другая, есть одна и та же человеческая рабочая сила, **раз она обладает характером общественной средней рабочей силы** и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно, употребляет на производство данного товара лишь необходимое **в среднем** или **общественно необходимое** рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время,

которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости **при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда**. Так, например, в Англии после введения парового ткацкого станка для превращения данного количества пряжи в ткань требовалась, быть может, лишь половина того труда, который затрачивался на это раньше. Конечно, английский ручной ткач и после того употреблял на это превращение столько же рабочего времени, как прежде, но теперь в продукте его индивидуального рабочего часа была представлена лишь половина общественного рабочего часа, и потому стоимость этого продукта уменьшилась вдвое.»

Теперь мы видим, что это за абстракция – труд вообще. Хотя усреднение у Маркса также остается пустой абстракцией, оно не определено и по сей день. Ведь усреднять можно по-разному, кроме среднего арифметического есть среднее геометрическое, среднее гармоническое, усреднение в данный момент, усреднение за неделю или месяц, наконец, можно усреднять с весовыми коэффициентами и т.п. Говорят, что усредняет рынок, но условия рынка диктует монополия, устанавливая цену рабочей силы минимальной, а цену продукта труда – до предела покупательской способности. И это тоже усреднение. Но продолжим пояснения.

«Итак, величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для её изготовления. Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода. Поэтому товары, в которых содержатся равные количества труда, или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости. Стоимость одного товара относится к стоимости каждого другого товара, как рабочее время, необходимое для производства первого, к рабочему времени, необходимому для производства второго. «Как стоимости, все товары суть лишь определённые количества застывшего рабочего времени. ...»

Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда её полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создаёт потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. [И не только для других вообще. Часть хлеба, произведённого средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть — в виде десятины попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведён для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена.]»

А налоги – это не деньги? Здесь Маркс сужает движение товара до единичной операции. А попробуй товарное производство той эпохи проживи без оброка.

И далее: «Наконец, вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на неё труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости.»

- А вот и не так. Общественный труд – не только пространственное, но и временное измерение. Если не платить физикам за **пока** бесполезный труд – трупы не смогут производить труд полезный сегодня. Но капиталист платит физику и за будущую полезность, даже если он сегодня не трудятся с немедленной пользой.

«... на каждой фабрике труд систематически разделён, но это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда. Только продукты **самостоятельных, друг от друга не зависимых** частных работ противостоят один другому как товары.»

- Запомним, хорошенько запомним эти выделенные слова Маркса, они, вырванные из текста, лягут в основу официальной политэкономии «социализма», когда СССР отождествят с единой фабрикой. Но можно тут же возразить: а замкнутый цикл? А технологическая цепочка? А планета – не фабрика?

Маркс в данном случае определяющим ставит обмен. А он вторичен от производства. Производство же – это разделение труда.

Да, рули на кузова на заводе, производящем грузовики, не обмениваются. Но отдельные японские производители сварочных автоматов – они ведь независимы от завода «Ситроен», где с их помощью производятся автомобили. В чем особая разница, могли бы производить и рули с тем же успехом.

Если проследить всю цепочку до непосредственного потребления человеком для себя лично – разницы особой нет, либо ты продаешь, либо передаешь товар. Что значит – нет особой разницы? Что разница – в форме обмена. Этот обмен происходит опосредованно.

Это отсутствие особой разницы – и в том, что внутри фабрики есть явный обмен: рабочей силы на деньги. С другой стороны, рабочий, который произвел рули, произвел в целиком собранном и проданном грузовике деньги. Часть этих денег перешла к тому, кто произвел кузов. Т.е. рабочие обменялись внутри фабрики опосредованно.

В процессе глобализации самостоятельные, независимые друг от друга производители становятся всё более и более зависимы, труд всё более и более обобществляется.

Конечно, есть и обратный процесс – дробление общественного труда, и не только в смысле Prajs, 1976 (увеличение издержек путем деконцентрации труда для ослабления профсоюзов, о деконцентрации см. [1]), и не в смысле мелкого бизнеса, а в смысле возврата к ремесленничеству, когда производитель становится «свободным художником» - по мере роста количества энергии на единицу рабочей силы. Напр., изготовление автомобилей «под хозяина», не говоря уже о пошиве одежды.

Но каждый уникальный труд вследствие давления крупного капитала снова обращается в массовое производство. С другой стороны, по мере развития технологий – вследствие диалектики абстрактного и конкретного в труде – уникальный труд становится абстрактным, вне всякого давления капитала.

Именно потому, что Маркс поставил обмен во главу угла, в третьем томе «Капитала» он не говорит о необходимости преобразования общественно необходимого труда, а всего лишь мечтает о его сведении при коммунизме к исчезающему малому времени.

Кстати, последствия такого способа производства весьма любопытны: людей почти ничего не связывает друг с другом. Исчезающее малое время дает возможность лениться одним без особого напряжения для других. С другой стороны, и это «исчезающее малое» время может серьезно закабалить.

Ну, вот что пишет Маркс:

«Для сюртука, впрочем, безразлично, кто его носит, сам ли портной или заказчик портного. В обоих случаях он функционирует как потребительная стоимость. Столь же мало меняет отношение между сюртуком и производящим его трудом тот факт, что портняжный труд становится особой профессией, самостоятельным звеном общественного разделения труда.»

- Так вот нет: зависит и качество, и количество. Наряду с дроблением труда идет процесс специализации. Он логически завершается уникальным мастером-золотые руки. Эти золотые руки становятся головной болью собственника средств производства, он стремится подчинить мастера «внеэкономически» (дает в долг, использует трудовое законодательство, спаивает, наконец) или заменить его сложной машиной.

«Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ...»

- Ну, это стандарт, это еще у Ф. Бэкона: «В действии, - пишет Ф.Бэкон, - человек не может ничего другого, как только соединять и разделять тела природы. Остальное природа совершает внутри себя.» Это, конечно, ошибочно, соответственно уровню времени Бэкона-Маркса. Но даже в то время можно было сообразить, что если не соединять и не разделять, а хотя бы приводить во вращение, тоже можно кое-что получить новенькое.

Продолжим: «Сравнительно сложный труд означает только возведённый в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определённое количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленным обычаем.

- А труд музыканта или философа? Но мы не можем так делить, что есть два абсолютно непересекающихся типа труда! Запомним это.

Теперь расставим точки над *i*, вот что для Маркса труд абстрактный:

«Большее количество потребительной стоимости составляет само по себе большее вещественное богатство: два сюртука больше, чем один. Двумя сюртуками можно одеть двух человек, одним — только одного и т. д. Тем не менее, возрастающей массе вещественного богатства может соответствовать одновременное понижение величины его стоимости. Это противоположное движение возникает из двойственного характера труда. Производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда и фактически определяет собой только степень эффективности целесообразной производительной деятельности в течение данного промежутка времени. Следовательно, полезный труд оказывается то более богатым, то более скудным источником продуктов прямо пропорционально повышению или падению его производительной силы. Напротив, изменение производительной силы само по себе несколько не затрагивает труда, представленного в стоимости товара. Так как производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может затрагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы.

Следовательно, один и тот же труд в равные промежутки времени создаёт равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная сила. Но он доставляет при этих условиях в равные промежутки времени различные количества потребительных стоимостей: больше, когда производительная сила растёт, меньше, когда она падает. То самое изменение производительной силы, которое увеличивает плодотворность

труда, а потому и массу доставляемых им потребительных стоимостей, уменьшает, следовательно, величину стоимости этой возросшей массы, раз оно сокращает количество рабочего времени, необходимого для её производства. И наоборот.

Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, — и в этом своём качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своём качестве конкретного полезного труда он создаёт потребительные стоимости

- Т.е. в бригаде вы можете сколько угодно судить, кто сколько наработал. А доход ваш определит рынок. Как бы блогер Радик Янахметов не требовал справедливой оплаты, он получит за свою рабочую силу по СТОИМОСТИ. По разряду, по МРОТ, по тарифу. По какому-то отдаленному от тебя среднему, к которому ты непонятно какое касательство имеешь. Тебя считали среди многих, тебе неизвестных. По общественному отношению, не по бригадному. Не по потребительной стоимости, которую и измерить невозможно, не по его старанию. Внутри бригады – твое дело, ты можешь варьировать, можешь учредить уравниловку для достижения сплоченности бригады, можешь учредить конкуренцию, чтобы побыстрее вымотать товарищей и урвать на первых порах кусок побольше. Но вне бригады твое желание получить больше наталкивается на желание общества, чтобы ты получил меньше. Т.е. труд твой, конечно, конкретный, ибо производится тобой, конкретным человеком. Но одновременно абстрактный. Его абстрактный характер определяется сферой обмена, которая отчуждает от тебя твое творение, говорит Маркс.

Потому, и только потому такой политэконом, как англичанин Хиллел Тиктин (а за ним лидер «Праксиса» Алексей Гусев), утверждает, что в СССР не было абстрактного труда. Ибо в СССР не было рынка. Отчуждение продукта труда, разумеется, было. Но того отчуждения, о котором пишет Маркс, которое происходит при **независимых, частных производителях** – не было.

Ну, а не было абстрактного труда, так не было, двойственности, не было и противоречия между ним и трудом конкретным. Все равны, сплошной коммунизм.

Но, во-первых, в СССР существовал не только колхозный рынок, но и конкуренция между ведущими отраслями, в т.ч. в производстве средств производства для производства средств производства. Во-вторых, как мы видели выше, обмен в СССР существовал опосредованно. Но Тиктин и Гусев не понимают, что Маркс исследует только одну сторону экономики: именно сферу обмена, капитал. Не может же Маркс совать в одно исследование общество сразу целиком, с благородной целью создания теории всего. Потому Ленин и говорил, что не написаны еще учебники по производству.

Итак, повторим: Маркс вводит понятия конкретного и абстрактного труда. Труд конкретный - труд, затрачиваемый в определенной полезной форме и создающий потребительную стоимость товара. Т.к. является частным трудом, а его общественный характер выражается через абстрактный труд.

Труд абстрактный - затрата рабочей силы вообще, производительная деятельность человеческого мозга, мускульной и нервной систем. Труд абстрактный создает стоимость товара.

Абстрактный труд лишён конкретной определённости и потому всеобщ и однороден для всех видов труда. Он представляет собой общественное, экономическое явление, присущее только товарному производству. В товарном хозяйстве затраты рабочей силы непосредственных товаропроизводителей выполняют особую общественную функцию — связывают производителей друг с другом через рынок.

Официальная «советская» политэкономия утверждает, что именно в этой своей общественной функции, связи через рынок, затраты физиологической энергии человека являются специфически исторической формой общественного труда — абстрактным трудом как источником стоимости. Т.е. абстрактность выражается лишь через рынок, сферу обмена. Т.е. при коммунизме абстрактного труда якобы не будет.

Труд, овеществленный в товаре, создает стоимость и потребительную стоимость. Поэтому всякий товар обладает двумя свойствами: потребительной стоимостью и стоимостью. Потребительная стоимость — способность вещи удовлетворять какую-либо человеческую потребность, то есть её полезность. Одни вещи удовлетворяют человеческие потребности непосредственно, как предметы потребления (например, хлеб, одежда и т.п.); другие — косвенно, как средства производства (станки, сырьё и т.п.). Потребительные стоимости составляют вещественное содержание богатства всякого общества. Потребительную стоимость имеют и полезные для человека вещи, не произведённые трудом (например, дикорастущие плоды, вода в источниках и т.п.). В отличие от них, потребительная стоимость товара является потребительной стоимостью для других, то есть общественной потребительной стоимостью, поступающей в потребление через куплю-продажу. Те же ягоды и грибы – товары, если их торгуют на рынке. Потребительная стоимость товара выступает носителем его второго свойства — стоимости.

Если потребительная стоимость — вещественное свойство товара, то стоимость — его общественное свойство, выражающее общественный характер труда товаропроизводителей. Их труд в условиях господства

частной собственности является частным делом, они ведут хозяйство обособленно друг от друга. Существующие между ними производственные отношения делают труд товаропроизводителей общественным, взаимная зависимость их скрыта и реализуется лишь через обмен на рынке. Основу этого обмена составляет овеществлённый, застывший в товаре общественный труд — стоимость.

Формой проявления стоимости на рынке является меновая стоимость, то есть пропорция, в которой различные товары обмениваются друг на друга в соответствии с законом стоимости. Стоимость может иметь только вещь, являющаяся потребительной стоимостью. Если же производитель изготовил никому не нужный продукт, его труд не получит общественного признания и не сможет быть реализован на рынке. Как потребительные стоимости товары различаются только качественно, так как удовлетворяют различные потребности людей, но не различаются количественно, так как они разнородны и непосредственно несоизмеримы. Товары как стоимости качественно однородны и различаются лишь количественно, величиной стоимости или количеством овеществлённого в них общественно необходимого рабочего времени.

Двойственная природа товара определяется двойственным характером труда товаропроизводителей. Потребительная стоимость товара — результат конкретного труда, то есть определённого полезного труда, создающего вещь, удовлетворяющую ту или иную потребность человека. Каждому виду конкретного труда присущи типичные только для него цель, характер трудовых операций и орудий труда. Особенности данного вида конкретного труда и определяют специфическую потребительскую стоимость его продукта.

Стоимость товара создаётся абстрактным трудом: затратой физиологической энергии человека, то есть его мускулов, нервов, мозга в определённой общественной форме.

Труд создаёт стоимость товара, но сам стоимости не имеет. В условиях господства частной собственности на средства производства двойственный характер труда, воплощённого в товаре, выражает противоречие между общественным и частным характером труда товаропроизводителей. Конкретный труд выступает как частный, а абстрактный — выражает скрыто-общественный характер труда. Общественный характер труда требует, чтобы товаропроизводители давали необходимые обществу продукты. Но частный характер труда делает возможным лишь косвенную, рыночную форму выявления требований, предъявляемых обществом к производителям.

Противоречие труда, воплощённого в товаре, обнаруживается на рынке как противоречие между потребительской стоимостью и стоимостью товара. Товаропроизводитель изготавливает товар для того, чтобы продать его. Это превращение товарной формы в денежную в условиях частного товарного хозяйства существенно противоречиво.

Отдельный товар имеет ограниченную потребительскую стоимость, удовлетворяющую лишь определённую потребность людей. Между тем частный товаропроизводитель, производя товар, не знает, какие именно потребительские стоимости и в каком количестве нужны покупателям.

Даже если будут проведены социологические опросы, если будут рассчитаны дифференциальные уравнения, описывающие колебания спроса-предложения — не поможет, т.к. правящая элита не в состоянии опосредовать собой все общественные связи, ее способность планировать наталкивается на конкретную реализацию плана.

В этих условиях ограниченный характер потребительской стоимости мешает товару превратиться в деньги.

Главным же проявлением противоречия является интерес продавца, противоположный интересу покупателя, что заставляет фальсифицировать продукты и т.п.

Это порождает трудности реализации, конкурентную борьбу товаропроизводителей, в ходе которой происходит их имущественная дифференциация: мелкие товаропроизводители разоряются, а немногие, экономически более сильные — обогащаются.

Противоречие между частным и общественным трудом проявляется в противоречии между конкретным и абстрактным трудом. Товар, будучи единством потребительской стоимости и стоимости, в то же время заключает в себе и противоречие между ними, которое имеет антагонистический характер. Это противоречие в зародыше представляет собой основное противоречие простого товарного хозяйства и является исходным моментом всех противоречий частного товарного производства.

Мы говорили о противоречии между стоимостью и потребительной стоимостью. Но борьба этих противоположностей — еще не всё в противоречии. Поговорим о единстве противоположностей. Для этого нам понадобится меновая форма стоимости.

«Стоимость товаров, — пишет Маркс, — тем отличается от вдовицы Куикли, что не знаешь, как за неё взяться. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость остаётся неуловимым. Но если мы припомним, что товары обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, то их стоимость имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собой понятным, что и

проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому. В самом деле, мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости.»

- Вдовица Куикли – персонаж пьесы Шекспира, подруга Фальстафа, бойкая и разбитная хозяйка в трактире «Кабанья голова». Когда Фальстаф как-то проворчал вдовице, что ему «неизвестно, как за нее взяться», та ответствовала ему: «Врешь: и ты, и другие отлично знают, как за меня взяться.»

Стоимость и потребительная стоимость не просто противостоят друг другу, они взаимопроникают, взаимно зависимы. Если рабочий путем обучения увеличивает потребительную стоимость своей рабочей силы, вынь да положь повышение меновой формы ее стоимости – зарплаты (грубо говоря). Если же начальник срезает расценки (или это делает за него рынок), рабочий крушит новое оборудование, низводя свой труд до прежнего, до обучения на новом оборудовании. Такую взаимосвязь, которая есть закон стоимости в отношении товара «рабочая сила», на массе примеров из истории СССР показал Юрий Радостев.

Но наша с вами задача – рассмотреть, как, откуда, почему *возникает* в сфере обмена абстракция труда как лишенный различий однородный «простой», фактически выдуманный теоретиком труд. Пусть даже это та «абстракция, которая в общественном процессе совершается ежедневно... не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух.» (Маркс, «К критике политической экономии»; не обращайтесь внимания на безграмотность Маркса в химии - органические тела превращаются и в минералы, и в воду и пр.).

С другой стороны, как отмечает Ильенков, для различных неокантианских школ абстрактное – лишь форма мысли, в то время как конкретное – лишь форма чувственно-наглядного образа. Т.е. для неокантианской школы или, скажем, для блогера Радика Янахметова, конкретный труд – это труд конкретного, данного по имени-фамилии, наглядно-чувственного рабочего.

Конкретность может быть абстрактной, напр., конкретный треугольник или абстрактная живопись. ««Конкретность» не есть ни синоним, ни привилегия чувственно-образной формы отражения действительности, - пишет Ильенков, - точно так же как «абстрактность» не есть специфическая характеристика рационально-чувственного познания.» В принципе понятие конкретного труда есть явно абстрагирование от труда данного рабочего.

Мы же с вами будем рассматривать труд конкретный в том смысле, который вслед за Паскалем вкладывал Маркс в понятие конкретного как «единство многообразия».

Если абстрактность труда, возникающая в процессе обмена, генерируется в процессе производства - упрощением труда, дроблением на его единичные операции (будем рассматривать развитую форму абстрактного), то конкретность формируется обратным процессом – усложнением труда. Для понимания приведем полярные ситуации: производимая гайка, одна из тысячи одинаковых, будь она хоть у вас на ладони – абстрактна, труд рабочего, его производящего – абстрактен. Маркс, вслед за Адамом Смитом, пишет о монотонном, отупляющем, *обезличивающем* труде. По этой гайке невозможно судить, какой рабочий ее произвел. В противоположность этому по стилю работы можно установить авторство научной статьи, тем более стихотворения, музыкального произведения или картины, как это точно отметил А. Фетисов в своей «Хомосапиенсологии». Трудно оценивать стихи или музыку, они уникальны. Их производство не измеряется часами рабочего времени. Скажем, Александр Иванов писал «Явление Христа народу» 20 лет, а Репин написал «Портрет Веревкиной» вообще вне рабочего времени, на больничном, в постели, за полчаса. Причем ценность этих картин скакала в разы, правда, всё возрастая со временем. А вот гайку без всяких проволочек оценивает рынок, она не уникальна, она сравнима с чем угодно. По часам рабочего времени.

Труд рабочего более абстрактный, от его ошибки будут только пара-тройка из тысячи почти одинаковых гаек выбракованы. Труд инженера более конкретен, более **общественно** значим: от его ошибки может остановиться цех.

Таким образом, абстрактность является атрибутом не только характера труда, но и его содержания, т.е. понятия, которое выражает распределение функций (исполнительских, регистрации и контроля, наблюдения, наладки и др.) на рабочем месте и определяется совокупностью выполняемых операций, отражает производственно-техническую сторону труда, показывает уровень развития производительных сил, технических способов соединения личного и вещественного элементов производства, т.е. раскрывает труд прежде всего как процесс взаимодействия человека с природой, средствами труда в процессе трудовой деятельности и т.д.

Абстрактный характер труда обусловлен его абстрактным содержанием.

Абстрактное содержание труда отнюдь не исчезнет при исчезновении товарного производства, рыночного обмена, т.е. при коммунизме.

Скажем, такое перетекание конкретного труда в абстрактный, как замена творчества при решении дифференциальных уравнений монотонным компьютерным программированием в аналитических функциях никакого отношения к классовому антагонизму не имеет. Точно так же, скажем, литье металла на заре человечества было не абстрактным, а конкретным трудом.

Не исчезал, таким образом, абстрактный труд и в СССР.

Тема конкретного труда была развита в работах Ильенкова, Батищева, Библера.

Так, Библер указывает на введенное Марксом понятие всеобщего труда: «... Следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим называется всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов. ... В духовном производстве в качестве производительного выступает другой вид труда... » (Маркс, Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, с. 116, 279)

Как видим, Маркс использует не сущностное и даже не функциональное, а атрибутивное определение. То есть, оставляет формулировку определения на будущее.

Библер отмечает, что Маркс не рассматривает специально этот труд. Хотя очевидно, что этот труд не может не присутствовать в любом виде труда, самом наиабстрактном. На то он и труд, что не просто общественный, но личностный, через осознание, тем и отличается, как указывает сам Маркс, от действий пчелы.

К сожалению, дальнейшее исследование продолжилось в либеральном направлении и привело к использованию разнообразных терминов типа творческого, репродуктивного и т.д. труда не как характеристик, а как политэкономических понятий, причем вне пары категорий «абстрактное – конкретное». Либерализм заключается в том, что, напр., Библер полагает, что при капитализме в силу господства абстрактного труда «всеобщий труд... сосредоточивается исключительно в духовном производстве». Отсюда немедленно следует, что рабочий класс самостоятельно не может вырваться за рамки экономической борьбы. Ему нужен поводырь, занятый всеобщим трудом, как это и формулировали оппортунист Бернштейн и ренегат Каутский.

Библер не понимает, что счастье капитализма, заключавшееся в устроении абстрактного содержания в труде, заканчивается. Если ранее дробление труда приводило и к снижению издержек на обучение, и к повышению производительности труда, то сегодня это дробление тормозит развитие производительных сил (что особенно хорошо видно в случае конвейера, забастовок против конвейерной системы в конце 60-х и возникновению неконвейерных систем с большей производительностью труда, скажем, в Японии системы канбан и др.).

Библер не видит процесс роста конкретного содержания в труде рабочего, не понимает, что капитализму по мере развития техники всё более становится нужен рабочий с высшим образованием.

Библер, подобно Фридриху Шлегелю, Андрею Белому или Ортеге-и-Гассету в демиурги истории выставляет человека искусства, человека творческого, «компетентного». Логическим завершением этой подмены является такая подмена в отношении «класс – партия», когда первичной объявляется партия, а класс – вторичным, послушным орудием в руках разумного партийного существа [2]. В. В. Орлов приводит точку зрения В. М. Межуева, совпадающую с либерализмом Библера - Глинчиковой, что абстрактный труд «сам по себе не может порождать новые идеи, питающие собой научный, технический и культурный прогресс общества». Орлов возражает, что «в отнесении с конкретным трудом абстрактный труд выступает в качестве мощной революционизирующей силы». Тем не менее, у Орлова абстрактность труда тоже не покидает пределы сферы обмена, а в паре «класс-партия», говоря о том, что абстрактный труд на что-то способен *лишь* в сочетании с трудом конкретным, имплицитно первичной он ставит партию.

Увы, Ленин в «Что делать?» следует линии Бернштейна-Каутского. Однако массой своих статей («Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Наказ от ЦО местным советским учреждениям», «Государство и революция», «Апрельские тезисы» и др.), требованием учиться у рабочих, особенно же повторением марксовой формулы «социализма как живого творчества масс» резко возражает этой линии.

Завершается дискурс тем, что, скажем, Глинчикова, казалось бы, вполне в духе диалектика Маркса, увидевшего разрешение противоречия старой политэкономии в возникновении нового типа товара – рабочей силы, вводит новый тип рабочей силы – творческую рабочую силу. И определяет ее как такую рабочую силу, процесс производства и процесс воспроизводства которой совпадают.

Казалось бы, вещь очевидная – растущая в обществе потребность в труде, разумеется, не во всяком, как искаженно поняли Маркса идеологи КПСС, означает, что труд становится «предметом потребления», входит в потребительскую корзину, служит восстановлению жизненных сил. Однако Глинчикова полагает, что именно эта творческая рабочая сила появилась в обществе сама собой и на этом развитие завершено.

На деле определение Глинчиковой неверно. Творческая рабочая сила нуждается в еде и продается на рынке. По Глинчиковой рабочему классу уготована одна судьба – тихо отмирать. Глинчикова не понимает, что новая рабочая сила, перед тем, как сбросить товарную форму, должна вылезть в обществе из старой, а не освободить себя за спиной всего общества, как обособленное дворянство.

Но если абстрактный труд столь хорош, что никуда не денется, чем же отличается один общественный строй от другого? При коммунизме в труде индивида **доминирующим** является его конкретное содержание, при капитализме – абстрактное. Т.е. коммунизм – это отсутствие не только буржуазии, но и рабочего класса, т.е.

класса, в труде которого доминирует абстрактное содержание. В. В. Орлов, не отклоняясь от марковского смысла абстрактного труда, тем не менее, восклицает: «В СССР 50% грубого ручного труда, какой, к черту, социализм.»

Причем доминирование вовсе не означает временное преобладание. Скажем, в труде физика или пианиста абстрактный труд доминирует по времени. Но его конкретное содержание является определяющим, подчиняющим.

Для анализа труда Гегель водит два понятия: опредмечивание и распредмечивание.

Опредмечивание – это воплощение в продукте труда образа этого продукта в голове рабочего. Распредмечивание – это обратное влияние создаваемого продукта, процесса производства на мозг рабочего. Если рабочий десять лет подряд производит одну и ту же одинаковую гайку, в голове у него вместо мыслей образуется та же абстрактная гайка. Так и возникает абстрактный «средний», «одинаковый» рабочий, в процессе обезличивающего (по выражению Маркса) труда.

Точно так же, как абстрактное содержание труда генерирует его абстрактность в сфере обмена, оно, в силу общественного разделения труда, обуславливает еще одну сторону труда – его наемный характер.

Лев Николаевич Толстой полагал, что можно улучшить ситуацию, занявшись самоусовершенствованием. После смены. Перестать потреблять мясо и т.п. Ильенков тоже, вполне идеалистически полагал, что существующие в СССР проблемы решит система воспитания. Он отчасти прав, он создал школу воспитания, в которой применил диалектико-материалистический метод узко конкретно, однако с большим успехом, один из его слепо-глухонемых воспитанников даже стал доктором наук.

Однако определяющим в жизни рабочего является именно время в период рабочей смены. В процессе его труда не требуются ни философия, ни политэкономия. Зазубренные, они не оставят следа, выветрятся из сознания под шум токарного станка. Единственные знания, которые ему пригодятся – это знания, как с наибольшей выгодой продать свою рабочую силу. Если даже формально средства производства будут в руках рабочего класса, он – в силу абстрактного содержания труда передоверит управление (распоряжение, планирование) узкому социальному слою (капиталисту или генеральному директору с билетом КПСС в кармане, а тот, в свою очередь – министру). Угнетение, таким образом, состоит не только в том, что рабочий получает меньше, чем ему кажется справедливым. Угнетает сам труд, который продуцирует угнетение в форме беспрекословного подчинения – вследствие узурпации управления узким социальным слоем.

Значит, выход из положения заключается в чем-то ином.

В принципе американский лозунг, лозунг сетевого маркетинга «измени себя» - это лозунг животного, человек отличается от животного тем, что не приспосабливается сам под среду, а меняет среду под себя. Способ «самоусовершенствования» у человека качественно отличен от способа животного.

Ярчайший пример изменения себя, причем именно в социальном смысле, иллюстрирует следующий анекдот: «Доктор, помогите, нервы на пределе – у нас в доме лифт останавливается на каждом этаже... - Ничего страшного, вот Вам элениум, три раза в день. – А что, от этого лифт перестанет останавливаться на каждом этаже? – Нет, но Вы к этому будете по-другому относиться...»

Йога и аналогичные системы – это не изменение себя, это тоже устроение под себя, но только не внешней природы, а собственного организма.

«Воздействуя... на внешнюю природу, - пишет Маркс, - и изменяя ее, он (человек, Б. И.) в то же время изменяет свою собственную природу» (Маркс, Энгельс, Соч., т. 23, с. 188).

Речь идет – в противоположность сокращению общественно необходимого рабочего времени до «исчезающее малой величины» – **преобразованию самого общественно необходимого времени в труд творческий**, в котором доминирует конкретное содержание. **Требование этого преобразования должно вызреть на уровне всеобщего**, а не только в качестве забастовок против конвейерной обезлички, напр., в США в конце 60-х или в Куйбышеве в 70-х. Тормозит этот процесс становления науки как производительной силы новая форма противоречия между трудом и капиталом - противоречие между ростом конкретного содержания в труде (усложнением производства в его элементарной ячейке и ростом многообразия хозяйственных связей) и частной формой управления. Это тривиально так же, как и то, что разрешением этого противоречия является экспроприация функций управления у правящего класса.

Июнь 2012, Пермь

1. Б. Ихлов, «Верхи не могут, низы не хотят», М., «Альтернативы», вып. 1, 1990.
2. Б. Ихлов, «Класс и партия», «Вибір», Киев, №1-2, 1996.